

К.В. Лифанов

**Eva Tibenská: Slovenčina v zrkadle vnútorných a vonkajších vzťahov
(Zagreb FF press, 2012, 159 s.)**

Монография Э. Тибенской «Словацкий язык в зеркале внутренних и внешних отношений» является итогом исследований автора главным образом в нулевые годы XXI в. и представляет собой совокупность отдельных статей, вышедших ранее в нескольких странах в разных сборниках и журналах и даже в виде фрагмента известной коллективной монографии (Najnowsze dzieje 1998: 81–87). Объединение этих статей в единое целое представляется вполне оправданным, поскольку они посвящены двум аспектам: современному состоянию словацкого языка и процессам, которые в нем протекают, и его изучению в сопоставлении с другими славянскими языками. Иными словами, в монографии показано развитие внутренних отношений в словацком языке и од-

новременно выявляются отношения внешние на фоне других славянских языков, прежде всего хорватского. Кроме того, обе части монографии объединяет особое внимание автора к синтаксическому уровню рассматриваемых языков. Представ в совокупности, содержание отдельных статей на широком фоне родственных и смежных явлений заиграло новыми красками, что придало исследованию многомерность и завершенность.

Рецензируемая монография оригинальна и в языковом отношении: большая часть статей написана на словацком языке, а три статьи – на хорватском. Не случайно она привлекла внимание хорватского издателя и увидела свет в Загребе.

В соответствии с двумя основными аспектами исследования монография состоит из двух глав: «Работы о современном состоянии словацкого языка и тенденциях его развития» и «Словацко-славянские сопоставительные работы». Первая глава имеет сложную структуру, центральное место в которой отводится тенденциям развития словацкого синтаксиса и влиянию иностранных языков на словацкий, включая универсальный процесс глобализации. Данная глава интересна тем, что в ней одновременно рассматриваются как развитие словацкой синтаксической теории, так и процессы, протекающие непосредственно в словацком языке, но при этом два этих момента не смешиваются. Особенно ценным является то, что автором были обнаружены такие явления, которые пока еще не фиксируются в учебниках и пособиях по словацкому языку. Путем обобщения изменения конкретных языковых средств автор устанавливает тенденции развития синтаксиса словацкого языка. К ним в первую очередь относится ярко выраженная тенденция к системному соответствию значения и формы. Это проявляется прежде всего в том, что одному грамматическому значению все более соответствует одна примарная синтаксическая форма, реже – две вариантные формы. Так, например, глаголы, обозначающие независимое от человека физическое состояние, выступая в функции предиката, приобретают в предложении возвратную форму, а имя, обозначающее носителя этого состояния, предстает в форме дат. падежа: *Otcovi sa drieme* ‘Отцу дремется’. В данном случае, однако, неактивность предиката оказывается ясной уже на лексическом уровне, поэтому исчезает необходимость ее подчеркивания на уровне синтаксическом. В связи с этим предложение может быть построено по образцу предложений с активным предикатом (*Otec beží* ‘Отец бежит’): *Otec drieme* ‘Отец дремлет’.

Реализацией названной тенденции развития словацкого языка является также продолжающееся сужение употребления генитива отрицания и партитивного генитива, которые уступают формам номинатива или аккузатива. Это происходит в тех случаях, когда генитив не имеет количественных квантификаторов: *V studni nebolo vody* ‘В колодце не было воды’ > *V studni nebola voda* – букв. ‘В колодце не была вода’, *Do autobusu sa nahrnulo detí* – букв. ‘В автобус набилось детей’ > *Do autobusu sa nahrnuli deti* ‘В автобус набились дети’; *navariť polievku* ‘наварить супа / супу’ > *navariť polievku* ‘наварить суп’, *nachytať rýb* ‘наловить рыбы’ > *nachytať rybu* ‘наловить рыбу’, *priniest dreva* ‘принести дров’ > *priniest drevo* ‘принести дрова’.

Усиление аккузатива проявляется и в замене им исконного неаккузативного управления. Ср. примеры: *zabudnúť o mne* > *zabudnúť na mňa* ‘забыть обо мне’, *mysliet o niekom* > *mysliet na niekoho* ‘думать о ком-то’, *odhodlať sa k niečomu* > *odhodlať sa na niečo* ‘решиться на что-то’ и т. д.

Наблюдается, однако, и противоположная тенденция, когда аккузативное управление заменяется иным, как с предложом, так и без него: *prehovoríť sa*

niekoho > prehovorit' sa k niekomu 'заговорить с кем-то', hovorit' na niekoho > hovorit' niekomu 'говорить кому-то', napísať na vládu > napísať vláde 'написать правительству'.

Определенные изменения происходят и в сложноподчиненных предложениях. Так, например, усиливается универсальность союза že 'что', которое начинает избыточно употребляться в придаточных изъяснительных с разными союзами: Spýtal sa, že či už prišiel 'Он спросил, (что) не пришел ли он?'; Nevie, že ako príde 'Я не знаю, (что) каким образом он придет?'; Prikázal mu, že aby prišiel 'Он приказал ему, (что) чтобы он пришел'. Из словацкого литературного языка вытесняются элементы народной речи, в частности союзное слово čo 'что', ранее широко употреблявшееся в функции союзного слова ktorý 'который'. Автор приводит и другие явления этого порядка.

Существенное место в монографии занимает изучение субстандарта словацкого литературного языка на разных языковых уровнях. Особый интерес представляет попытка разграничения субстандартного явления и языковой ошибки. С точки зрения автора, единственным критерием этого разграничения является критерий функциональный. В соответствии с ним субстандартные лексемы употребляются намеренно с осознанием их нелитературности для придания колорита языку. В отличие от них языковая ошибка представляет собой неверное употребление лексической единицы, которая либо имеет словообразовательный дефект, либо характеризуется отсутствием какой-либо функции. Так, например, употребление богемизмов *zbytok* (слов. *ostatok, zostatok, zvyšok* 'остаток') и *kapesník* (слов. *vreckovka* 'носовой платок') представляет собой лексическую ошибку, поскольку это слово ни в коей мере не придает тексту ни оригинальности, ни экспрессивности, а свидетельствует только о слабом владении пользователем литературной нормой. Когда же подобные лексемы приобретают определенные функциональные характеристики, они превращаются в субстандартные лексемы. Подобное произошло, например, с богемизмами *nafučka* (слов. лит. *nafukovací matrac, nafukovačka* 'надувной матрац'), *nahánka* (слов. лит. *hra na naháňačku, naháňačka* 'игра в догонялки'), *náklad'ák* (слов. лит. *nákladné auto, nákladniak, nákladiak* 'грузовик'), *menčestráky* (слов. лит. *menčestrové nohavice* 'вельветовые брюки') и т. д.

Субстандартными лексемами становятся также заимствования из других языков для обозначения какого-то явления при наличии словацкого эквивалента, например: *shop* (слов. *obchod* 'магазин'), *pub* (слов. *krčma* 'пивной бар'), *toast* (слов. *hrianka* 'тост'), *bizniscentrum* (слов. *obchodné centrum* 'торговый центр') и т. д.

Чрезвычайно интересны и иные наблюдения автора над заимствованными словами в словацком языке, особенно англицизмами. Автор констатирует связь фонетической огласовки заимствованных слов от времени заимствования, возрастной характеристики говорящего и сферы употребления. Так, например, слово *laser* в сочетании *laserový lúč* 'лазерный луч' произносится в соответствии с написанием [laseroví], тогда как в более новом сочетании *laserová*

tlačiareň ‘лазерный принтер’ – в соответствии с английским произношением [leɪzrɒvɑ]. Фонетический облик английского слова сохраняется в сфере специальной коммуникации (программирование, экономика и т. п.) в среде владеющих английским языком. В бытовой же сфере общения часто происходит словакизация англицизмов. В процессе заимствования выделяются две его фазы. На начальной заимствованное слово, как правило, сохраняет английское написание, а по мере усвоения написание меняется. Автор рассматривает также отличия современных заимствований из английского языка от старых заимствований из немецкого, французского и чешского языков.

Значительная часть первой главы посвящена изучению динамики функциональных стилей словацкого литературного языка. Автор монографии устанавливает, что в наибольшей степени в последние десятилетия изменения затронули публицистический стиль, который становится все более унифицированным под воздействием глобализации, преодолев, в частности, возникшие после 1989 г. различия в телевизионной публицистике государственных и частных каналов.

Ценностью второй главы монографии является сопоставление явлений разных славянских языков именно на синтаксическом уровне, что является довольно редким в работах исследователей-славистов, а также стремление автора продемонстрировать на практике результативность использования различных синтаксических теорий. Автор, в частности, на словацких и хорватских примерах подтверждает теоретические положения В.М. Солнцева, различающего в предложении как синтаксической микросистеме лексические семы системообразующие, системно обусловленные, проявляющиеся непосредственно в предложении, и системно нейтральные, в предложении не реализующиеся (Solncev 1981).

Автор также подробно описывает понятие третьего синтаксического плана, который выделяется помимо первого, существующего на основе принципа объективности, и второго, выявляемого через живое существо, воспринимающее и познающее реальность посредством своих органов чувств. Третий же синтаксический план возникает в том случае, когда в предложениях, отражающих первый синтаксический план, имманентно присутствует лицо, воспринимающее, переживающее или оценивающее происходящее, в результате чего принцип изображения реальности меняется.

Во второй главе монографии рассматриваются также облигаторные, факультативные и потенциальные члены словацкого и хорватского предложения и некоторые другие вопросы.

Монография Э. Тибенской представляет собой безусловный интерес для словакистов, сербохорватистов и в целом славистов. Ее характеризуют, с одной стороны, обращение к лингвистической и особенно синтаксической теории и критический подход к ее отдельным положениям и результатам их использования на практике, а с другой – богатая документация выводов соб-

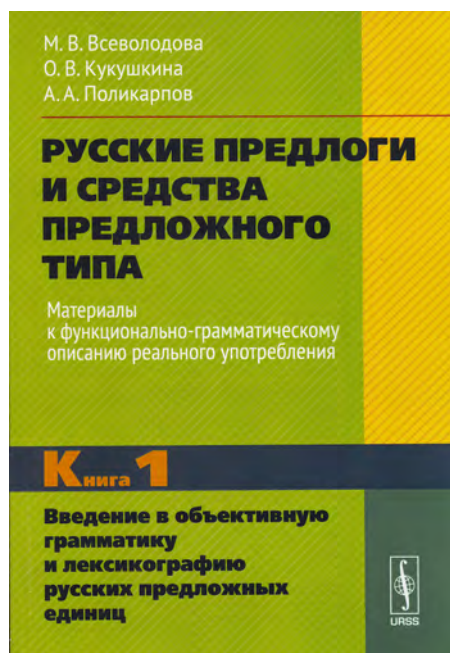
ственного анализа конкретными примерами, что особенно важно при обучении словацкому и хорватскому языкам. Полагаем, что на основе данной монографии может быть создан спецкурс для студентов университетов, изучающих славянские языки.

Литература

Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Slovenský jazyk / Red. J. Bosák. Opole, 1998.

Solncev V.M. System a struktura v jazyce. Přeložili B. Palek, Z. Palková. Praha, 1981.

О.Ю. Дементьева

М.В. Всеволодова, О.В. Кукушкина, А.А. Поликарпов. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления.

Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц / Под общ. ред. М.В. Всеволодовой. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 304 с.

В 2013 г. вышла первая книга нового много- томного словаря предложных единиц русского языка «Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления» под общей редакцией доктора филологических наук, профессора

М.В. Всеволодовой. В состав авторского коллектива словаря входят докт. филол. наук профессор М.В. Всеволодова, докт. филол. наук профессор О.В. Кукушкина, докт. филол. наук профессор А.А. Поликарпов, канд. филол. наук доцент Т.В. Чаплыгина, канд. филол. наук доцент Е.Н. Виноградова. Цель авторов словаря – создание Реестра русских предложных единиц, полного корпуса системно охарактеризованных русских предлогов и средств предложного типа, независимо от степени их нормативности и отмеченности в грамматиках и словарях. Работа над созданием словаря ведется в рамках международного